

Глава 33. На капусту покусились

Хотя тёплое солнце начала лета ласково лилось сверху, серебряный морозный тигр ещё минуту назад буквально кипел от счастья: и погода прекрасная, и на прогулку вышел, и любимый пушистый комочек снова нашёлся. Но в какой-то миг ему вдруг стало холодно. Холод пополз от толстых подушечек лап к кончику хвоста, потом поднялся к мощной спине.

Сам по себе тигр был водным демоническим зверем и холода совсем не боялся. Поэтому внезапная ледяная стужа всерьёз его напугала.

Стоило опустить глаза, как под пушистой лапой будто мелькнул слой тёмно-синего инея. Вспыхнул и тут же исчез.

— Ау-у...

Большой тигр тревожно повёл хвостом из стороны в сторону, струсил, быстро взглянул на пушистый комочек в руках Фу Линцзюня и торопливо выпалил:

— Комочек, комочек, я сначала уйду ненадолго, а потом вернусь! Я... я правда только ненадолго... Когда я вернусь, ты ведь ещё будешь меня любить? Только не влюбись за это время в другого тигра, у-у...

Он попятился, решил, что этого мало, и, поджав хвост, пулей кинулся обратно к хозяину, которого только что отбросил. В один миг юркнул Е Чжэнвэню за спину.

— Да Бай! Я же сколько раз тебе говорил: дядя ещё не вернулся! Не смей доставлять мне неприятности! — Е Чжэнвэнь, только что весь взмокший от погони, схватил вернувшегося трусливого тигра за мягкое ухо. — Думаешь, я тебя не предупреждал?! Вернёмся — запрю тебя. Посмотрим, поумнеешь ты наконец или нет!

Но даже спрятавшись за Е Чжэнвэнем, серебряный морозный тигр всё равно не чувствовал себя в безопасности. Огромные глаза с подозрением оглядели охранников рядом с хозяином. Он быстро выдернул ухо из пальцев Е Чжэнвэня и молча втиснулся поглубже в строй охраны.

Е Чжэнвэнь: ?

Он так ничего и не понял, но смутно уловил, что его, похоже, сейчас презирают.

Впрочем, времени размышлять об этом у молодого господина Е не было. Ещё с середины улицы он уже успел увидеть, какую беду опять натворил тигр. И снова тот самый культиватор в чёрном, который увёл у него тяньвэйжуй. И снова серебряный морозный тигр лезет к его питомцу!

Тот молодой культиватор тогда в павильоне Шаньхай одним небрежным ударом едва не отправил почти взрослого высокорангового демонического зверя на тот свет. При его возрасте такая сила означала как минимум уровень мастера Дао. А если добавить ещё и щедрость в трагах, происхождение у него наверняка было непростое.

Е Чжэнвэнь привык считать, что видел всякое, тем более что большую часть бурь обычно сам же и устраивал. Но сейчас даже ему стало неловко.

Во-первых, его дядя Янь Цунси сейчас не в области Цянькунь.

Во-вторых, дядя Цзян, закадычный друг дяди, тоже не в области Цянькунь.

В секте Лянъи он ещё мог, прикрываясь чужой силой, устроить представление. А вот здесь, в Цянькуне, он боялся ненароком задеть кого-нибудь, кого трогать не стоило. Вдруг за этим молодым культиватором действительно стоит какая-то большая сила? А дядя потом вернётся — и не сумеет прикрыть ему спину.

Поэтому молодой господин Е, прекрасно умевший и прогибаться, и выпрямляться, послушно опустил свою драгоценную голову.

Прокашлявшись, он с улыбкой пошёл к Фу Линцзюню.

— Е Чжэнвэнь из области Фуфэн, — тепло представился он, сложив руки в приветствии. — Мы с вами видимся уже второй раз, и оба раза из-за моего неуправляемого духовного зверя всё выходит крайне неловко... Не окажете ли вы мне честь пообедать сегодня вместе со мной в башне Цяньцяо? Угощаю. Уверяю, вы не уйдёте разочарованным.

Такие вежливые слова молодой господин Е говорил нечасто и уже после первой фразы почувствовал, как каждое слово неприятно цепляет язык. Он украдкой посмотрел в лицо собеседнику. Холодное. Мрачное. Недовольное до крайности.

Фу Линцзюнь и впрямь был недоволен.

Под воротом у него едва заметно вздулись жилы. Он держал Цзян Тана на руках и бледными длинными пальцами медленно гладил гладкую шерсть комочка. Лёгкий сладковатый запах постепенно рассеивал вспыхнувшее раздражение. Фу Линцзюнь слегка дёрнул уголком губ и с плохо скрытым нетерпением ответил:

— Хорошо.

Хм? И он вот так просто согласился?

Никто другой не понимал, а вот Цзян Тан прекрасно знал: сейчас Фу Линцзюнь изо всех сил давит в себе гнев.

В последнее время великий босс вообще стал подозрительно взрывоопасным. Похоже, Е Чжэнвэнь его действительно бесил. А раз бесил, но при этом к нему всё равно приходилось приближаться ради собственных целей, злиться было вполне логично.

Тц, тоже, в общем, несладко. Если бы Е Чжэнвэнь не был нужен, чтобы открыть утёс Жисы, Цзян Тан был готов поклясться: Фу Линцзюнь теми же самыми пальцами, которыми сейчас гладил его, на месте бы проломил парню горло.

И всё же Цзян Тан никак не мог понять одного. При силе Фу Линцзюня разве так уж сложно было просто выкрасть Е Чжэнвэня из области Цянькунь?

Ведь, насколько он слышал, Янь Цунси и Цзян Чаньюань сейчас оба находились далеко, в секте Хуаньюнь, залечивая раны. Похоже, в Цзэяне яд, смешанный с громом и пламенем, потрепал их как следует. Раз старших нет рядом, то в Цянькуне и Лянъи оставались только сильные, но всё же не достигшие уровня святого. Для Фу Линцзюня, чей боевой потолок в этом романе стоял почти на самой вершине, чего тут опасаться?

Неужели он ещё не оправился от ран? Или всё-таки плёл какую-то новую сеть? Может быть, для похода в утёс Жисы действительно требовалось собрать сразу нескольких молодых людей и при этом не дать никому умереть раньше времени?

Голова у Цзян Тана и так работала через раз, а от этих догадок разболелась окончательно. Он махнул на всё рукой и решил молча оставаться подвеской, которую просто носят с собой к победе.

Е Чжэнвэнь, увидев, что Фу Линцзюнь не отказался, облегчённо выдохнул и сразу велел одному из своих охранников бежать в башню Цяньцяо и заказать там все самые дорогие блюда.

Следом за ним вся компания направилась к высокому зданию тонкой работы.

Эта башня особенно бросалась в глаза в области Цянькунь. Если павильон Шаньхай стоял по одну сторону, то башня Цяньцяо — по другую. Оба здания резко вздымались над окружающими домами и достигали шести этажей.

Башня Цяньцяо была личной собственностью Янь Цунси.

Пользуясь тем, что его закадычный друг был владыкой области, Янь Цунси выбрал для неё превосходное место. Башня Цяньцяо не занималась ничем, кроме еды. Туда приходили поесть и местные, и проезжие культиваторы. С таким удачным расположением внутри области Цянькунь и с вывеской в виде имени даосского святого и главы секты Лянъи дела у неё просто

не могли идти плохо.

Стоило переступить порог, как навстречу потекли музыка и пение. Просторный, роскошный зал сиял светом, а стройные девушки внизу танцевали и пели. Всё выглядело так, будто заведение вот-вот разорится: людей почти не слышно, кругом слишком тихо, снуют только слуги и служанки.

Но на деле всё было наоборот: дела у башни Цяньцяо шли превосходно. А тишина объяснялась тем, что знаменитый своей скупостью Янь Цунси не пожалел сил и пригласил лучшего мастера рун современности, чтобы тот нанёс на все двери и окна отдельных комнат заклятие тишины.

Заклятия тишины тоже различались по уровню. Низшие можно было почувствовать и при желании подслушать, если культивация позволяла. Но те, что были нанесены на каждую дверь и каждое окно в башне Цяньцяо, не могли быть прослушаны даже культиваторами уровня святого.

Вот почему у башни Цяньцяо, несмотря на список недостатков длиной с реку — цены заоблачные, порции крошечные, вино ещё дороже, чем где-либо, — всё равно никогда не было недостатка в посетителях.

В мире культивации слишком многие скрывали вещи, о которых не должны были знать чужие уши. А значит, безопаснее всего было снять отдельную комнату в башне Цяньцяо, поесть и поговорить именно там.

— Молодой господин Е! Мы уже оставили для вас место. Прошу, прошу сюда! — едва заведев Е Чжэнвэня, слуга лучезарно улыбнулся и проводил всю компанию в отдельную комнату.

А дальше на стол одна за другой потянулись блюда, названий которых Цзян Тан прежде и не слышал. Все выглядели до неприличия аппетитно.

Фу Линцзюнь и Е Чжэнвэнь сели во главе стола, а Сян Син и Цзян Тан — в самом конце. Поскольку хозяин заранее распорядился, у Цзян Тана тоже было своё место, а перед ним даже поставили отдельную тарелку с уже нарезанной едой.

Что до виновника переполоха, большого тигра, то он пристроился в хвосте стола на расстоянии примерно одного чжана. Сидел с понурой головой, словно ребёнок, которого поставили в угол за проступок.

Цзян Тан изо всех сил старался не есть слишком бесстыдно и потому культурно, мелкими кусочками отщипывал мясо у себя на тарелке. Надо признать, по вкусу здешняя еда и впрямь превосходила любую уличную лавку. Мясо было таким сочным и ароматным, что он чуть не расплакался от счастья. Только вот порции были до смешного крохотные. Три тарелки отсюда едва тянули на одну порцию из уличной лавки. А по цене, если он правильно уловил, даже маленькое блюдо стоило больше сотни духовных камней. Дорого до невозможности.

Неудивительно, что все говорили о жадности Янь Цунси. Пока ел, Цзян Тан мысленно придумал ему новое прозвище: Янь-Шейлок- Гарпагон-Гобсек-Плюшкин-Цунси.

Самый скупой человек во вселенной «Дао в заточении».

Он ещё помнил, откуда в оригинале взялись заклятия тишины в башне Цяньцяо. Все вокруг думали, будто раз уж Янь Цунси отгрохал такую огромную башню и нанял лучшего мастера рун, чтобы расписать шесть этажей дверей и окон, то высокие цены на блюда и вино вполне объяснимы.

На самом деле Янь Цунси не потратил ни одного духовного камня.

Башню Цяньцяо ему просто подарил Цзян Чаньюань, а лучшего мастера рун он поймал на каком-то компромате и заставил бесплатно пахать на себя. Всё остальное было лишь вопросом жадности. Настоящий чёрный торговец.

Пока Цзян Тан с наслаждением ел и вспоминал немногочисленные куски оригинального сюжета, разговор Фу Линцзюня и Е Чжэнвэня доносился до него обрывками.

— Не знаю, как мне следует к вам обращаться, друг-даос?

— Линь Шэн.

— А, вот как, даос Линь. Мне и правда очень неловко. Да Бай неразумен, я от его имени приношу извинения. Надеюсь, вы не станете принимать это близко к сердцу.

И тут раздался глухой голос Сян Сина:

— Сяо Бай. Боялся. В прошлый раз тоже.

Е Чжэнвэнь неловко потёр нос, а потом снова повеселел:

— Так питомца вашего друга зовут Сяо Бай? А моего — Да Бай. Забавно, правда? Какая судьба! Я уже как следует отчитал Да Бая. Будьте спокойны, он больше ни за что не выкинет ничего подобного.

Цзян Тан поджал губы.

Нет. Красавец вообще-то называл его Глупой Собакой. Если уж искать тут родство, то это скорее Е Чжэнвэнь и Сян Син — один шумный дурак, второй тихий.

После этого до него донеслось рассеянное «мгм» Фу Линцзюня.

Не удержавшись, Цзян Тан повернул голову и посмотрел на него. И обнаружил, что Фу Линцзюнь в этот самый миг смотрит на него.

— Иу-у...

Вот уж и правда жалко. Великий босс сейчас выглядел так, словно через силу отрабатывает вежливость.

Тут к нему жалобно потянулась огромная тигриная голова.

Большой тигр не осмеливался подойти слишком близко и сидел почти в чжане от стола. Но голова у него была большая, шея длинная, так что стоило вытянуться — и между ними оставалось меньше двух десятков цуней.

— Ау-у... — тихо признался он в любви. — Если ты пока не готов сразу со мной спариться... может, мы хотя бы начнём со свиданий?

Цзян Тан: ???

Похоже, Е Чжэнвэнь всё-таки бил его недостаточно сильно.

Отвечать тигру он не собирался. Просто отвернулся на месте задом к этой здоровенной тупой голове и продолжил есть.

— Брат Линь, судя по возрасту, ты ведь тоже приехал на Битву Небесных Дарований? — Е Чжэнвэнь изо всех сил продолжал поддерживать разговор и уже без стеснения сменил уважительное «друг-даос Линь» на дружеское «брат Линь».

Взгляд Фу Линцзюня упал на Сяо Бай комочек в конце стола:

— Да.

Комочек сидел спиной к серебряному морозному тигру и сосредоточенно жевал мясо. Фу Линцзюнь видел цвета душ живых существ и потому прекрасно понимал, какие горячие чувства сейчас бушуют большого тигра. Ему было нетрудно догадаться, почему тот раз за разом лезет к Цзян Тану.

— Эх, в этот раз будет весело. Насколько я знаю, Хуай Чэнъинь из области Аньюань и Ци Цуньюй из области Лошу тоже собираются участвовать. Только не пойму, где они застряли. До

турнира всего пару дней, а их всё нет и нет...

Большой тигр неведомо откуда выудил сверкающее ядро демонического зверя — а может, просто не доел в прошлый раз какую-то низшую тварь и сохранил остаток — и положил его на стол, подвинув к Цзян Тану:

— Это тебе. Если съешь, будет очень приятно.

Цзян Тан почувствовал, как сзади в него настойчиво тычется чья-то голова, и беспомощно обернулся. Ну ничего себе. Такое огромное ядро он ведь даже проглотить не сможет.

— Иу-у. Не надо, не надо.

— Ау-у... Тогда что тебе нравится?

— И-иу-у. Ничего не нравится! Не подползай!

Большой тигр ядро не убрал, но голову всё же отодвинул.

— Ау-уу... Если мы ещё встретимся, я тогда поймаю для тебя демонического зверя. Хорошо?

Фу Линцзюнь наблюдал за этой сценой с конца стола. Кончик его языка упёрся в задние зубы, а пальцы, белые как нефрит, медленно водили по фарфоровой чашке.

— Хуай Чэнъинь и Ци Цунъюй... Это младшие при даосских святых Хуай Шоусине и Ци Юаньлане?

— Именно! — Е Чжэнвэнь весело налил себе вина. — Я с детства о них только и слышал, а живую ни разу не видел. Говорят, Ци Цунъюй одарён страшно, и глава секты Ци его очень любит. Только на этот раз вместе с ним приедет ещё один человек из области Лошу, по имени Ци Е. Не знаю почему, но у него в ходу только имя, без второго имени. Всё время зовут его просто по полному имени — как-то это невежливо.

Цзян Тан не удержался от внутреннего комментария: вот уж кто бы говорил о вежливости — молодой господин Е, всю жизнь занятый тем, чтобы переворачивать всё вокруг вверх дном. Но, послушав разговор ещё немного, он наконец разложил по полочкам всех младших, связанных с теми даосскими святыми, которые когда-то запечатали Фу Линцзюня.

Е Чжэнвэнь рядом с Янь Цунси и Цзян Чанъюанем. Шэн Итюзэ рядом с Шэн Жолинем. Хуай Чэнъинь рядом с Хуай Шоусинем. И Ци Цунъюй рядом с Ци Юаньланом.

Итого четверо. А по логике сюжета все они обязательно должны были собраться в одном месте.

Шэн Итюэ была лекарем и в Битве Небесных Дарований, предназначенной для молодых даосов боевого пути, участвовать не собиралась. Но она всё равно последует за Сун Цзиньяо. В крайнем случае Фу Линцзюнь уже отправил Сун Яня воспользоваться личностью и втереться к ним поближе. Когда придёт время, всё равно всех поймают одной сетью.

За этим столом и люди, и собака, и тигр были полны тайных мыслей, а со стороны всё выглядело вполне мирно.

Фу Линцзюнь разговаривал с Е Чжэнвэнем, но взглядом время от времени цеплял конец стола. Из всех присутствующих только Цзян Тан действительно ел, не отвлекаясь ни на что. Когда разговор наконец закончился, он снова вернулся в объятия Фу Линцзюня и вместе с великим боссом отправился обратно в трактир.

Едва переступив порог комнаты, Фу Линцзюнь велел принести бадью воды для купания.

Цзян Тан уже было решил, что снова сможет полюбоваться, как красавец выходит из воды, но в итоге купали вовсе не красавца, а его самого.

Белый мягкий комочек плюхнулся в горячую воду, и он сразу будто сжался вдвое. Правда, в последнее время Цзян Тан успел прилично округлиться, так что даже в намокшем виде выглядел вполне упитанным, а не просто раздутым.

— Иу-у!

Что ты творишь? С чего это вдруг меня мыть!

Нахлебавшись воды, Цзян Тан зло цапнул Фу Линцзюня за палец и измазал его слюной по всей руке.

Под ладонью Фу Линцзюня был всего лишь мокрый пушистый комочек, но в голове его снова непрошено всплыла та мягкая, гладкая кожа, которую он уже однажды чувствовал под рукой. И от этого он стал тереть Цзян Тана ещё яростнее, словно хотел дочиста смыть с него весь запах серебряного морозного тигра.

Ему не нравилось, что на маленьком комочке оставался чужой запах.

С ладони и пальцев то и дело доносились частые зубки и жёвки, но Фу Линцзюнь, не обращая внимания, продолжал снова и снова мыть его, пока вся шерсть не стала чистой и душистой. Только после этого он вынул комочек из воды, завернул в сухое одеяло и как следует вытер.

— Впредь не смей связываться с серебряным морозным тигром.

Длинный влажный палец легко уткнулся в розовый нос белого комочка.

— Иу-у.

Да мне и самому тот развратный тигр не нравится! Это он всё время лезет ко мне!

Тут Цзян Тан шевельнул носом.

Подушечка пальца всё ещё влажно прижималась к его носу. Комочку стало щекотно, и он вытянул язык и, стараясь дотянуться повыше, лизнул этот палец.

От подушечки пальца по коже мгновенно разбежалось тонкое, щекочущее онемение.

Сладкое, близкое прикосновение было похоже на вино, которого Фу Линцзюнь сегодня выпил в башне Цяньцяо чуть больше обычного. От него слегка кружилась голова.

Фу Линцзюнь резко убрал руку.

Спустя долгое время он сел на кровать, держа на руках ещё не до конца высохшую маленькую белую собачку, и с кончиков его пальцев потекло мягкое золотистое сияние.

Цзян Тана в тот же миг окутала необычайно тёплая сила. Она не просто грела тело — она проникала прямо в душу. Влажная шерсть мгновенно стала сухой и пушистой, а душа, будто её бережно приладили, успокоилась и размякла. Сон тут же навалился сверху. Большие чёрные глаза у комочка уже наполовину закрылись.

— Иу-у...

Можно сегодня он всё-таки поспит на кровати? Вчера спать было ужасно. Пол слишком твёрдый, совсем неудобно.

Комочек слишком устал. Он мягко потёрся в ладони Фу Линцзюня, тихонько поскулил пару раз — и тут же уснул.

На самом деле ему везде спалось неплохо: и в той примитивной лежанке под кроватью, и рядом с красавцем на постели. Просто рядом с красавцем, конечно, было куда лучше.

От Фу Линцзюня исходил лёгкий холодноватый аромат. Цзян Тану он очень нравился.

И в смутной полудрёме его вдруг снова стиснули в знакомых объятиях.

Тот человек обнимал его крепко, но при этом необыкновенно бережно.

А потом в его сладкий сон тихо упал красивый мужской голос:

— Ты ведь ничего не понимаешь...

Примечание автора:

Сегодняшняя запись в кругу друзей босса Фу: «Что чувствуешь, когда кто-то покусился на твою домашнюю капусту?»

Е Чжэнвэнь: Свояк! Наш Да Бай обязательно возьмёт ответственность!

Сян Син: Хозяин, бей его.

Янь Цунси: Отлично, мальчишка. Я, выходит, опять повысился в старшинстве??

<http://bllate.org/book/17032/1604289>